

Вилль Бертольд
Гибель линкора «Бисмарк». Немецкий
флагман против британских ВМС. 1940-1941

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608705
Гибель линкора «Бисмарк». Немецкий флагман против британских ВМС. 1940-1941:
Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-2899-7*

Аннотация

Вилль Бертольд рассказывает о сражении германского линкора «Бисмарк» с британскими ВМС. Английское адмиралтейство мобилизовало для перехвата немецкого линкора все силы, и ценой собственных потерь после долгого преследования мощный боевой корабль был уничтожен. Автор дает подробные технические характеристики «Бисмарка» и его вооружения, рассказывает, каким курсом следовал корабль, как противнику удалось его обнаружить, какие решения принимало штабное командование и как распределялись обязанности рядовых членов экипажа.

Содержание

Вступление	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вилль Бертольд

Гибель линкора «Бисмарк». Немецкий флагман против британских ВМС. 1940–1941

Вступление

Когда линкор «Бисмарк» обнаружили в прибрежных водах близ Бергена, весть о его выходе в море быстро достигла британского адмиралтейства. Немецкую эскадру перехватили в Датском проливе. В первом жестоком морском сражении британский линейный крейсер «Худ», гордость Королевского флота, погиб от взрыва, а новейший линкор «Принс оф Уэйлс» получил серьезные повреждения. После этого катастрофического морского боя уничтожение германского линкора стало настоятельной потребностью Королевского флота.

В этой книге рассказывается с позиции экипажа линкора «Бисмарк» об охоте за кораблем и его гибели. Цель книги – воспроизведение ужасной картины морского поражения.

Бертольд повествует об этом величественном и впечатляющем событии так, как оно воспринималось людьми. Он описывает малодушие и храбрость, проявлявшиеся экипажем этого корабля по мере приближения неизбежного конца. Он воспроизводит мысли моряков о родном доме, сопровождавшие их до самой смерти. Он показывает бессмысленность всех войн.

Яркое живописание крупного морского сражения побежденным противником лишь немногих оставит бесстрастными и бесчувственными.

* * *

Проводная связь жужжала часами. Когда унесся вдаль первый шлейф вечерней дымки, на борт корабля вступил высоченный и стройный адмирал. Теперь все поняли, что положение серьезно. Все предвещало войну. Войну на море. В Атлантике, где господствовали англичане. Отныне все увольнения отменялись. Возлюбленные на берегу, офицерские жены, матери молодых матросов сегодня проведут время в напрасном ожидании.

Поход начинался с тушенки. Сходни еще связывали флагман «Бисмарк» с землей, которую 2287 человек его экипажа больше никогда не увидят. Неделей позже эти люди будут разорваны на куски взрывами снарядов, торпед, авиабомб или потонут среди пятен горящего мазута в бурлящем море.

Но ни один из тех, кто жадно поглощал свою тушенку, не думал об этом. Кто будет думать о смерти, когда еще находится в порту?

На корабле люди играли в карты. Слушали радио. Обменивались незатейливыми шутками и сообща смеялись над ними. Другие вели себя менее легкомысленно, писали письма матерям, возлюбленным, женам. Их не покидало беспокойство, но и уверенность тоже. Уверенность передавалась от одного к другому. К ней взывали. Она считалась приказом. Она была естественной во время нахождения на борту самого современного боевого корабля в мире. Ее излучали 380-миллиметровые орудия, отливающие холодным блеском стали, турбины мощностью 175 000 лошадиных сил, 190 000 снарядов, хранящихся в бронированных погребах боеприпасов гигантского корабля.

Матросы знали, что снарядам противника пришлось бы сначала преодолеть непробиваемые плиты из хромоникелевой стали, которые не имел ни один корабль в мире, кроме «Бисмарка». Они знали, что их корабль непотопляем, что в последние месяцы испытаний и доводки на Балтике сотни и тысячи раз отработывались каждое действие, каждый маневр, каждая непредвиденная ситуация.

Линкору «Бисмарк» водоизмещением 45 000 тонн опасаться было нечего – нечего, кроме того, что должно было случиться...

Четыре члена экипажа еще отсутствовали – младший лейтенант Петерс и три матроса гидрографической службы. Их задача состояла в проверке свободных от мин фарватеров, совсем недавно нанесенных на морские карты корабля. Они справились с заданием к полудню. Поскольку на флагмане ждали их возвращения значительно позднее, они решили использовать несколько часов свободного времени наилучшим образом.

Младший лейтенант и матросы остановили грузовик и отправились в кузове из Готенхафена в Данциг, где водились дорогие напитки и дешевые девицы. Они ехали по дорогам, окаймленным темно-зелеными каштановыми и цветущими вишневыми деревьями. Однако весны моряки не замечали. Их не интересовала красота майского дня. Им хотелось в последний раз отведать берега или того, что моряки подразумевают под берегом.

Грузовик остановился перед гостиницей. Они дали шоферу несколько сигарет и поспешили с ним распрощаться.

– Будьте здесь к 19.00, – приказал младший лейтенант. – Иначе вам не поздоровится.

– Есть, герр младший лейтенант, – ответили трое матросов и со смехом удалились.

Только типичный для корабля шум, низкий, непрерывный гул и жужжание вспомогательных механизмов выдавали, что «Бисмарк» будет вскоре отбуксирован от причала. Экипаж больше не замечал монотонного гудения. В последние несколько часов его усилили 300 отпускниками. Так называли штабную команду из 82 человек командующего флотом адмирала Лютьенса и экипажи пяти самолетов морской авиации, которые обычно отсутствовали, пока обстановка не осложнилась.

Флагман «Бисмарк» представлял собой плавучий город, населенный соседями, которые знали друг друга, и незнакомцами, которые никогда не встречались и проходили мимо друг друга без единого слова. Это был город с площадями и улицами, парикмахерскими, прачечными, обувными и пошивочными мастерскими. Когда корабль вступал в бой, парикмахеры, сапожники, портные, официанты и повара подчинялись морской дисциплине и действовали в качестве санитаров. Вышестоящим начальникам отдавали честь лишь раз в день.

Естественно, в этом плавучем городе длиной 350 метров и шириной 35 метров не было ни одной женщины. Они появлялись лишь в виде фотографий, изображавших женщин с застывшей улыбкой или со строгими серьезными лицами. Это были либо уважаемые женщины в наглухо застегнутой верхней одежде, либо полуголые звезды, которых наклеивали на рундуках между койками или на стальных переборках. Такие фото составляли собственность всего экипажа и являлись первой темой обсуждения.

Командующий флотом приказал пятерым офицерам прибыть в штурманскую рубку. На его вытянутом лице было угрюмое выражение, волосы тщательно расчесаны на две стороны. Он говорил на безупречном немецком языке, свободном от местных наречий, и смотрел на своих офицеров, среди которых находился и командир корабля, капитан Линдеман, без тени симпатии.

– Господа, – начал он, – через два часа мы выходим в море. Для маскировки нашего отбытия этой ночью здесь станет на якорь наш однотипный корабль «Гирпиц». Завтра утром мы будем в норвежских водах. Быстро заправимся в Бергене и затем объединимся с крейсером «Принц Эйген», который будет с нами взаимодействовать. Наша задача состоит в уни-

чтожении торговых судов неприятеля в Атлантике. Согласно приказам Верховного командования флота, следует, насколько возможно, избегать столкновений с боевыми кораблями противника.

Адмирал на мгновение оторвал взгляд от стола. Его лицо сохраняло угрюмое выражение. Белоснежный воротничок был чуточку шире нормы. Между краями воротничка висел Рыцарский крест.

– Можно предположить, что противник засечет выход «Бисмарка» в море еще в то время, когда мы будем находиться в Норвегии. Из Бергена мы выйдем в составе ложного конвоя, но затем будем двигаться самостоятельно вместе с крейсером «Принц Эйген». Все наличные германские подводные лодки сосредоточены в предполагаемой зоне боевых действий, активизируется также и люфтваффе. Суда снабжения находятся в намеченных мною точках. Есть вопросы?

– Никак нет, герр адмирал, – ответил капитан Линдеман.

– Хорошо... Не сомневаюсь, что противник хорошо осведомлен относительно огневой мощи и радиуса действий «Бисмарка». Они бросят против нас все возможное. Либо мы вернемся с победой, либо не вернемся вовсе.

Коротким кивком адмирал отпустил офицеров. Он пронзал их взглядом, словно офицеры были сделаны из стекла. Он не отвечал их вкусам. Но они были слишком привязаны к традициям германского флота, чтобы сознаться себе в этом.

Остальные члены экипажа чувствовали себя более свободно. Они, не задумываясь, дали командующему флотом Гюнтеру Лютьенсу прозвище Черный дьявол.

Младший лейтенант Петерс вернулся на место сбора первым. Это был офицер невысокого роста, худощавый и бледный. Лишь четверть часа назад он простился с матерью. Он не говорил ей о выходе «Бисмарка» в море, но она знала, чувствовала это и поэтому плакала. Петерса раздражали ее слезы. Он сердился, потому что слезы заставляли его переживать. Офицер резко отбросил мысли о старой женщине, обругал трех своих опаздывающих матросов и решил, что у него еще осталось время, чтобы выпить.

Вторым появился матрос Пфайфер, парень едва достигший 18-летнего возраста. Он предпочел школе войну. По крайней мере, в данное время.

– Хорошо провел время?

– Да, герр лейтенант.

– Где остальные?

– Не знаю, я был не с ними.

– Почему?

– Мне не хотелось идти с ними. Всегда одно и то же. Вы бы тоже с ними не пошли, герр лейтенант.

– Если эти двое не придут, мы погибли.

Младший лейтенант уже жалел о поездке в Данциг. Рядом с ним на скамье лежали морские карты, в которых крайне нуждался штурман корабля. Петерс вспомнил о своей матери и посмотрел на ручные часы.

В это время появились двое старшин. Мегринг говорил осипшим голосом:

– Теперь нам придется поторопиться на корабль.

Не много лучше его выглядел Хинрихс. Его лицо побагровело, он мучился отрыжкой.

– Черт вас подери, – произнес Петерс.

– Очень хорошо, мой адмирал, – отозвался Мегринг. – Черт займется нами позднее. Сейчас же нам надо идти. Нас ждет машина.

Увидев машину, младший лейтенант оторопел. Это был черный фургон с серебряной пальмовой ветвью впереди. Старшины «организовали» для поездки в обратном направлении катафалк.

– Весьма символично, – заметил Пфайфер.

– Заткнись! – воскликнул Хинрихс. – Катафалки приносят удачу.

Четверо моряков стояли сгорбившись среди искусственной хвои и полинявших траурных лент. Держались за поручни гробов. Необычная обстановка мгновенно пресекла всякие разговоры.

На каждой колдобине дороги они падали друг на друга чертыхаясь и смеясь. Мегринг достал из-под кителя бутылку спиртного, вытащил из горлышка пробку и протянул Петерсу.

– Взбодрись, – сказал он. – Пить лучше, чем тонуть.

Бутылка пошла от одного к другому. Петерс, плохо переносивший спиртное, почувствовал, как алкоголь ударил ему в голову. Мегринг горланил песню. Пфайфер пил неохотно, с кислым лицом.

– Куда мы приехали? – спросил Хинрихс.

– Не твое дело.

– Лично я думаю, что шофер подъехал к церкви, – предположил старшина. – Надеюсь, вы и за нас помолитесь.

Бутылка снова пошла по кругу.

– Вам хотелось бы знать, куда мы приехали? – спросил Мегринг.

– Мы и так знаем, – отозвался Петерс. – Конечно же в публичный дом.

– Подходящее место для моряка.

Мегринг икнул и продолжил:

– Мы постарались и для вас.

Теперь бутылку почти опустошили. Пфайфер, преодолев свое отвращение к дешевому ликеру, вылакал его до конца. Петерс почти опьянел. Оба старшины давно пересекли границу между трезвостью и опьянением.

– Хотелось бы знать, зачем вы двое приехали в Данциг, – снова заговорил Мегринг. – Лично я приехал к рыжей. Кажется, это была она. Ничего особенного. Стоит десять марок. Потом я выбрал, знаете ли, добросердечную блондинку. Скажу вам, горячая женщина. Так всегда, блондинки дают то, чего ждешь от рыжих. Что с тобой?

Он двинул локтем в бок Хинрихса. Но Хинрихс не реагировал, он пел свою песню.

– Через минуту его развезет.

– Не расслабляйтесь, – предупредил Петерс. – Мы на месте.

– Сам не расслабляйся, младший лейтенант. Именно ты явишься с докладом.

Катафалк добрался до места назначения, проехал вдоль набережной и остановился. В туманной дымке видимость не превышала 30, может, 40 метров.

– Так, где наша лодка? – спросил Мегринг. Он расплатился с шофером несколькими сигаретами. – Приятель, – сказал ему Мегринг, – если ты снова так поведешь машину, то крышка гроба вылетит из кузова.

Младший лейтенант крепко держал под мышкой свернутые морские карты. Свежий воздух чуть не сбил его с ног. Машина развернулась и уехала.

– Я пьян? – спросил Петерс. – Корабль ушел!

Линкора «Бисмарк» у причала не было. Младшему лейтенанту и его подчиненным понадобилось полчаса для осознания этого факта. Больше нельзя было медлить. Катер доставил их на флагман. По выносному трапу поднялись на борт корабля. Хинрихс наступил на руку Пфайфера. Тот выругался. Из-под кителя Мегринга выпала полная бутылка ликера.

– Черт, – произнес он.

Первым выбрался на палубу Петерс. В пяти метрах стоял капитан-лейтенант Вернер Нобис. Петерс, подойдя к нему, отдал честь.

– Младший лейтенант Петерс с тремя членами экипажа прибыл на корабль из службы гидрографического наблюдения, – отрапортовал он.

– Пьяны? – спросил Нобис.

– Никак нет, герр капитан.

Мегринг, Хинрихс и Пфайфер быстро скрылись с глаз командира.

– Не знаю, уезжаю я или приезжаю! – воскликнул Мегринг. – Теперь и спиртное тоже ушло на запад... Удачи ему... Сейчас же я собираюсь развлечь парней байками.

Через полчаса «Бисмарк» снялся с якоря и направился в море, держа курс на Скагеррак через Большой Бельт. Теперь работали основные двигатели. Вибрация ощущалась лишь на мостике А и ниже. Дали приказ к отбою. Вахтенных на нижних палубах послали спать и беречь силы для предстоящего боя. Но для большинства молодых матросов это был первый боевой поход, они ждали, что что-то случится в любое время.

Матросы чувствовали себя превосходно. Почти все они были добровольцами, молодыми людьми, которые пока ничего не приобрели и не потеряли от войны. В 1941 году война, казалось, предвещала победу Германии... Флагман рассекал морские волны гордо и уверенно. Он шел со скоростью 28 узлов, которая могла быть увеличена в случае крайней необходимости до 31 узла. Осадка корабля при полной загрузке составляла 10 метров, а водоизмещение – 45 000 тонн. Его высота от ватерлинии до верхушки мачты равнялась почти 22 метрам. Наружная обшивка корпуса корабля имела дополнительный, защитный слой из хромоникелиевой стали. Ни одна британская торпеда не имела достаточной мощности, чтобы пробить эту стену.

Сражения с противником ожидали 89 орудий всех калибров. Четыре орудийные башни имели спаренные стволы калибра 380 мм каждый, заряжавшиеся с помощью гидравлических механизмов. Дело не в калибре, корабли германского флота тоже вели огонь из таких же орудий в Первую мировую войну. Новизна заключалась в том, что орудия этого линкора наводились на цель в кромешной темноте радаром с погрешностью в несколько метров.

Посты наблюдения и корректировки огня имелись на марсах, впереди и на корме, а также в боевых рубках. Половина личного состава этого подразделения, около 60 человек, спала в общих кубриках, каждый из которых располагался как можно ближе к постам наблюдения. Офицеры спали в двухместных каютах. Только командир корабля, командующий флотом и командиры подразделений пользовались одноместными каютами.

В помещениях под палубами царил чистота, тишина и порядок, какие бывают в госпитале. Корабль обогревался теплом от котлов. Температура регулировалась автоматически. «Бисмарк» строили пять лет, он обошелся в 30 миллионов фунтов стерлингов. В течение месяцев испытаний не обнаружилось серьезных конструктивных дефектов. Не было их отмечено, когда корабль вышел в боевой поход. И когда его потопили...

На палубе, занятой командой машинного отделения 2-го полудивизиона, никто не спал. Люди несли вахту в течение двух часов. Если не будет воздушной тревоги, другие шесть часов они будут свободны. Сегодня ничего не произошло. Мессмера застали за курением и приказали в качестве наказания дежурить на верхней палубе. Лейтенант отдал приказ громовым голосом. Мессмер пробежал 100 метров, нырнул в люк и исчез. Офицер не был знаком с Мессмером, а Мессмер не знал офицера. На свете не было более подходящего места, чтобы спрятаться, чем линкор «Бисмарк».

Хенгсту приказали явиться к капитан-лейтенанту Билку. Он потратил три часа на поиски офицерской столовой и опросил двадцать своих сослуживцев, но ни один из них не мог объяснить, где она находится. Хенгст попытался связаться со столовой по телефону, но

ему сказали, что все линии заняты официальными переговорами. К тому времени, когда он нашел капитан-лейтенанта, тот забыл, что ему было нужно, и Хенгст был вынужден уйти, выслушав выговор в свой адрес.

Бюргер мучился болью в животе. Терпел два часа и затем пришел в лазарет. У него обнаружили острый аппендицит, и, прежде чем матрос смог понять, что случилось, его положили на операционный стол уже под анестезией. Под наркозом он извергал проклятия, потому что боялся проспать первый бой. Операция прошла без осложнений.

Затем Лаухс сообщил, что видел, как один из штатских стюардов стащил ящик бренди. Внезапно всех обуяла жажда. Вспомнили, что унтер-офицер Линденберг был на гражданке слесарем. Сговорились, чтобы он сделал отмычку. Только штатские стюарды запирали свои буфеты. Отмычка сработала великолепно. Однако бренди не могли обнаружить до шестого ящика. Потом бесшумно пробрались назад на свою палубу и закрыли переборку. Приятелей унтер-офицера Линденберга нельзя было удержать от участия в выпивке. Но по крайней мере, им не нужно было опасаться унтер-офицеров...

В проходе выставили наблюдателей, сменявших друг друга через определенные промежутки времени. После того как выпили первые две бутылки, о наблюдателе забыли. Он вошел в каюту, энергично протестуя. Наблюдение отменили. С этого момента больше ни о чем не заботились. По опыту знали, что офицеры в это время редко появлялись в общей столовой, а унтер-офицеров можно было подкупить выпивкой. За исключением немногих мерзавцев. Но они обитали в других отсеках корабля.

Так начался первый боевой поход для личного состава машинного отделения 2-го полудивизиона. Матросы братались с пьяными унтер-офицерами. Во время боя или попойки унтер-офицеры могли быть великолепными парнями. Прошло несколько месяцев с тех пор, как зеленых юнцов с «Бисмарка» отшлифовывали на казарменном плацу.

Снова и снова они пили за старшего матроса Линка. У того через семь дней была назначена свадьба. Поскольку матросы не знали, останется ли бренди к тому времени или время для выпивки, они гуляли на свадьбе заранее по доверенности.

– Как ее зовут? – поинтересовался Линденберг.

– Эльза.

– Покажи фото.

Линк охотно протянул снимок.

– У нее приятное личико, – констатировал унтер-офицер тоном знатока.

– За свадьбу! – хором заорали матросы.

Чертовски забавная вещь, эта война. Словно вы находитесь в спальном вагоне. Официант, еще одну порцию бренди, пожалуйста. Старое корыто отлично обогревается. Напитки наилучшего качества, первоклассная еда. Превосходные унтер-офицеры, которые пьют, как рыбы. Отличная команда из офицеров, которые всегда спят, когда не несут вахту. Суперкорабль, о морской болезни вы даже не вспомните. Во всяком случае, не сейчас... Пили за все по очереди. В конце концов, за войну на море.

– Сколько лет вы на флоте? – спросил кто-то Линденберга.

– Три года.

– Где получили Железный крест?

– На минном тральщике.

– За что?

– Нам выдали два Железных креста. Затем корыто пошло ко дну. Из двух оставшихся в живых одним был я.

– Как потонул корабль?

– Наскочил на мину. Как раз килем. Случайно я оказался на корме.

– А другие как?

- Они не были на корме... Взбодритесь, унывать не стоит. Мины нам не страшны.
- Где еще служили?
- На судне снабжения, – ответил Линденберг.

Сразу же влияние алкоголя улетучилось. Линденберг выглядел бледным и осунувшимся. Его настроение передалось другим. Их воодушевление пропало.

– Это скверная вещь для войны на море. Вы ждете, что подойдет какое-нибудь большое корыто, вроде «Бисмарка». Но оно не подходит. Вместо этого подлетают томми на своих самолетах и кроют вас от души. Правда, у вас есть несколько зениток, но летчики могут сбросить свои бомбы с такой высоты, что вы их не достанете. Если бомба попадет в корабль, он полыхает огнем. Первоклассная кремация... Унывать не надо, вас много. Вы не на танкере... Удача – с вами. Вы здесь как сыр в масле катаетесь.

Не похоже, чтобы унтер-офицер хотел пить дальше. Он встал, попрощался и вышел. Другие тоже бросили пить.

Линк давно уполз на свое место в кубрике. Закрыв глаза. Он видел перед собой Эльзу. Девушку, которую любил. Стройную, белокурую Эльзу с детскими глазами, которая через семь дней, в 10.30 утра, будет стоять одна в отделе регистрации. Она станет вдовой, прежде чем будет женой.

Однако она этого не знала. Линк тоже не знал.

Дым разъедал ему глаза до слез. На столе стояла бутылка бренди, которая больше никого не интересовала. Линк слез с койки и приставил горлышко бутылки к губам. Если он снова опустит голову на подушку, то проспит три часа кряду.

Он не представлял, какая его постигнет судьба. Никто на «Бисмарке» не знал, не подозревал и не предчувствовал, что его ждет впереди. Будущее флагмана германского флота не могли предвосхитить самые мрачные прогнозы.

Голову старшего матроса Герберта Линка просто разнесло снарядам. Ему выпала сравнительно легкая участь.

Когда над наступающим днем 20 мая 1941 года поднялась холодная утренняя дымка, линкор в окружении эсминцев и минных тральщиков, а также под охраной самолета прибыл в строго назначенное место. Капитан Линдеман, крепкий жилистый офицер, которого команда обожала, все еще командовал кораблем. Он не должен передавать командование адмиралу Лютьенсу, пока «Бисмарк» не соединится с «Принцем Эйгеном».

Теперь встречи с самолетами и подводными лодками противника были вполне вероятны. Однако ничего не происходило. Ничего не случилось и через несколько часов, когда флагман вошел в норвежские воды.

Переход «Бисмарка» готовился с беспрецедентной тщательностью. Главнокомандующий Северной группой войск перебросил к Бергену несколько пехотных частей и сосредоточил их в районе порта. Вдоль побережья крейсировали ложные конвои. Для проведения операции задействовали самолеты ВВС. Свободные от мин фарватеры «Агата» и «Доротей» непрерывно проверяли 2, 5 и 7-я флотилии тральщиков. Цепь передовых постов ВМС в Норвегии протянулась до ледового барьера. Германские самолеты наблюдения постоянно кружили в воздухе.

Все эти меры имели целью ввести противника в заблуждение. Он не должен был знать, собирается ли «Бисмарк» оказать поддержку немецкому вторжению в Исландию, или сопровождать гигантский конвой, или прорваться в Атлантику более или менее самостоятельно, для охоты за торговыми судами.

Британские агенты в Норвегии передавали в Лондон информацию, исходя из того, что они видели. Они не знали о том, что немецкая служба безопасности перехватывала все их сообщения. Люди Канариса несколько месяцев контролировали основную сеть британских

агентов в Норвегии и внедряли в нее своих агентов. Но они откладывали разгром этой организации до того дня, когда «Бисмарк» впервые вышел в море навстречу врагу.

Флагман германского флота прибыл в Берген около полудня, имея над собой ярко-голубое небо, а под собой – спокойное море. Свободные от вахты члены экипажа вышли на палубу, чтобы погреться на солнце. На берегу собрались немецкие солдаты, помахивая руками кораблю в знак приветствия. Один из них взобрался в лодку, подгреб к «Бисмарку» и крикнул тем, кто находились на верхней палубе:

– Сигареты есть?

Матросы смеялись и бросали предприимчивому гребцу целые пачки сигарет.

Капрал махнул им рукой, засмеялся и крикнул:

– В будущей войне я пойду служить во флот!

На берегу привлекали внимание другие достопримечательности. Две высокие норвежские блондинки прогуливались вдоль пирса, сопровождаемые жадными взглядами солдат. Они то и дело останавливались и смеялись над воздыхателями.

– Чудный корабль. Как он называется? – спросила одна из девушек сержанта.

– Не знаю, – сказал он в ответ, – но корабль действительно красив.

Девушки не знали, что сегодня за ними наблюдали глаза тех, кого ни в малейшей степени не интересовало их женское обаяние, – служба безопасности, которая фиксировала все, что они делали. Не предполагали, что люди, следившие за ними, точно знали, куда они направляются. Не имели представления о том, что место их назначения уже окружено и что преследователи ждут лишь еще одного сигнала по радио, чтобы их арестовать.

Девушки шли к Аме, к Арне Свенроду, который, с одной стороны, выступал снабженцем германского флота сушеной треской, а с другой стороны – отбивал азбукой Морзе секретные телеграммы в Лондон. Они сообщили Свенроду все, что видели. Он извлек мало пользы из их сообщения. Англичане слали срочные запросы относительно вооружения корабля, его тоннажа и радиуса действия. На базе ВМС Скапа-Флоу они еще сомневались, был ли это «Бисмарк». По расчетам британского адмиралтейства, «Бисмарк» должен быть готов к боевым действиям лишь через два месяца.

Англичане не знали, что срок испытаний корабля был сокращен.

Арне пошел в порт сам. Прежде всего под предлогом обсуждения поставок сушеной трески. Он сообщил портовым властям о поступлении нового груза товара. Затем прошелся вдоль пляжа. Как один из многих горожан, которых привлекала хорошая погода и разбирало любопытство. Он заметил четыре орудийные башни. Наметанным глазом он определил более или менее точно тоннаж корабля. Свенрод пришел к заключению, что корабль, на котором грелись под солнцем матросы, может быть либо «Бисмарк», либо «Тирпиц». Он заметил, что корабль пополняет запасы и готовится к выходу в море.

Внезапно Свенрод заторопился. Он вернулся в свой офис, быстро оставил его, вошел в потайную комнату флигеля, вытащил из стенки коробку, снял клеенку и сел за телеграфный ключ.

Его позывных уже ждали. Свенрод радировал: «Германский линкор, возможно „Бисмарк“ или „Тирпиц“, водоизмещение 42 000 тонн, четыре орудийные башни с 380-миллиметровыми спаренными стволами, пять самолетов морской авиации. Готов к бою. Выход в море сегодня. Вероятно вторжение на территорию Исландии».

Он передал много другой информации. Правдивой и ложной. Поскольку многие из подчинявшихся ему агентов, которым он доверял, были двойниками. Арне сидел за телеграфным ключом с мрачным выражением лица. У него было двое детей и довольно милотвидная жена. Его бизнес процветал. Но он пренебрег всем. Им владела лишь одна мысль, одна цель и одно чувство – ненависть.

Он выслушал ответ на свою радиограмму, пользуясь обычным приемником в офисе. В комнате было очень душно, но Арне Свенрод не смел открыть окно.

Теперь, когда он шел к своему офису, его судьба была решена. Лишь в 100 метрах от него сотрудники секретной службы прослушали его радиограмму. Ее немедленно расшифровали. Начальник секретной службы Штейнбринк кивнул:

– Правильно, это то самое.

Все стало ясно. Служба безопасности нанесла удар.

Арне Свенрода задержали при входе в холл. К нему подошли двое в штатском.

– Руки вверх! – скомандовали они.

Он не подчинился и стал шарить в кармане, тогда последовал выстрел. Свенрод упал. Первый человек, погибший в операции «Бисмарк», был норвежцем.

Капитан-лейтенант Вернер Нобис готовился заступить на вахту. Как только линкор вышел в море, он занял свое место в штурманской рубке в качестве помощника штурмана корабля. Нобис был высоким, широкоплечим, молодым. Он выглядел как современный викинг, привыкший есть красную икру и целовать женщин. Сохранял аккуратный внешний вид и ауру терпимого, уверенного в себе человека, когда все другие достоинства на борту не котировались.

Капитан-лейтенант был одним из немногих моряков, которые не питали иллюзий относительно рейда в Атлантику. Он знал, что такое война на море. Его Железный крест хранился в рундуке. Он не надевал награду ни теперь, ни позднее, когда сражение закончилось. Нобис знал себе цену. Но ему пришлось пройти через испытания еще невиданные...

Нобис был свободен от патриотической лихорадки, овладевшей другими. Не принимал он также смерть с фатальной беспечностью, характерной для массы участников боев.

Его влекли к морю мотивы, весьма далекие от стремления участвовать в беспощадной войне. 16-летним парнем надел он морскую форму, очарованный безбрежностью океана, буйством ветра и волн, тысячами солнечных бликов и, кроме того, из-за страсти к приключениям.

Нобис поступил на службу в торговый флот, прошел без задержки все ее этапы и трудности, был принят на борт роскошного французского лайнера «Иль-де-Франс» в качестве заместителя четвертого помощника капитана. Владельцам лайнера нравилось принимать в штат молодых офицеров разных национальностей, которые использовались на «социальной вахте». Вместо выполнения обычных заданий они играли на палубе в теннис со скучающими женами миллионеров и стимулировали любовь к жизни долларовых принцесс.

Вопрос о вахте на корабельном мостике никогда не возникал...

Стюард постучал в дверь каюты миссис Уэбстер, имевшей мужа, на предприятиях которого ежедневно забивались сотни голов скота. Нобис, освободившись от объятий женщины среднего возраста, отнюдь неохотно принял от стюарда телеграмму.

В ней сообщалось о его призыве на службу в германский флот.

Нобис простился с Гавром. В последний раз поговорил с друзьями, которые сейчас, должно быть, стали его врагами. Обменялся рукопожатием с высоким юношей Олли, похожим на него, словно брат. Они похлопали друг друга по спине, избегали смотреть в глаза друг другу и посмеивались над своей сдержанной сентиментальностью.

У Олли в кармане тоже имелась повестка о призыве на военную службу. На службу в Королевский флот...

Учебная подготовка прошла быстро. Через шесть месяцев Нобис снова служил на кораблях. Охотился за британскими грузовыми судами, вел огонь из зениток по британским самолетам, захватывал суда в качестве трофеев, проводил через пролив конвои, обезвреживал и ставил мины, топил и сам подвергался угрозе быть потопленным.

Затем появилась Дайна.

В неудачном месте и в неудачное время.

В звании лейтенанта Нобис командовал небольшим сторожевым кораблем, сновавшим вдоль испано-португальского побережья на удалении 3 морских миль. Поджидал австралийский баркас с грузом яиц, который долго не показывался. В результате на корабле Нобиса истощились запасы топлива и воды.

В поисках выхода из затруднения он связался с представителями нейтральной страны – Португалии. Поднял на корабле желтый карантинный флаг и вошел в бухту города Оporto. Португальцы обещали наполнить цистерны корабля горючим. Они сдержали обещание. Но корабль попал в ловушку и не мог двинуться ни взад, ни вперед. Потому что у пирса Оporto стоял пришвартованный британский корвет, который только что прошел ремонт. Тоже злоупотребив карантинным флагом...

Сойти на берег разрешили только Нобису. В дополнение к воде и горючему предоставили двадцать четыре часа свободного пребывания в городе. Затем ему следовало оставить порт и выйти в море. Его кораблик подстерег бы более мощный британский корвет и потопил бы первым же залпом. Если бы не случилось чуда...

Молодой офицер в подавленном состоянии бродил по улицам портового города, с которым связывал столь большие надежды в последние несколько часов. Он заглянул в таверну, где его подстерегали проститутки, лишившиеся работы из-за войны. Заказал для жриц любви выпивку и затем постарался от них отделаться. Потом и сам выпил за полное избавление от всех забот или избавление от них настолько, насколько позволяла ситуация.

Португальцы симпатизировали немцам. В знак особого расположения оркестровый дуэт снова и снова играл немецкую песню. Одно Небо знает, как они добыли музыку к ней.

Нобис мучительно искал выход из положения, сознавая, что его нет. На нем лежал тяжелый груз ответственности за корабль и двадцать одного члена экипажа. Двадцать один прекрасный парень, которые последуют за ним через все препятствия, а сейчас завидуют его отлучке с корабля. Капитан покидает тонущий корабль последним, но он стал первым, кто сошел на берег.

Но вот открылась дверь.

Сначала он увидел только ее. Блондинку, высокую и изящную. Она выглядела элегантной и уверенной в себе. Она настолько выделялась среди посетителей таверны, что без колебаний вошла в нее. Нобис запретил своим глазам глядеть на нее, но они не подчинялись ему. Потом он заметил мужчину. Беглым взглядом сбоку. Решил, что мужчина не португалец. Затем напрягся. Это был Олли, его приятель с «Иль-де-Франс». Англичанин Олли, который, как и сам Нобис, носил плохо пригнанный флотский китель и до смешного напоминал его.

В тот же миг Олли узнал его тоже.

Друзья медлили лишь секунду, затем смеясь подошли друг к другу. Их свел вместе невероятный случай.

Затем воцарилось неловкое молчание. Олли поднял свой стакан.

– Паршивое дело, – произнес он. – Не печалься. Ничего не случилось. Завтра мы будем палить друг в друга, сегодня же вместе выпьем.

Хорошо, что Олли не слышал командир его корабля.

– Твоя посудина у пирса? – спросил Нобис.

Олли кивнул:

– Чуть подальше твоя скорлупа?

Теперь Нобис кивнул в ответ.

Они рассмеялись, но веселья не ощущали. Понимали ситуацию, в которой оказались. Они были друзьями, один – немец, другой – англичанин, которым приказали стать врагами и обязали демонстрировать сдержанность, присущую флотским офицерам.

Подругу Олли звали Дайна. Олли дружил с ее отцом. Вернер Нобис сел рядом с ней. Она носила тесно облегающее платье, которое, вероятно, сшила сама. Нобис не мог оторвать от нее взгляда. Девушка заметила это, но не сердилась и не смущалась. Раз или два он дотронулся до нее, как бы невзначай. Встреча заставила его забыть обо всем, но лишь на считанные минуты.

Они поднялись из-за столика и вышли. Дайна шла между ними. От бухты их разделяло расстояние всего в несколько сот метров. С моря дул прохладный бриз, покачивая два военных корабля, которые располагались друг против друга.

– Мне туда, – сказал Олли.

– Мне туда, – отозвался Вернер.

– Вы действительно друзья? – спросила Дайна.

– Да, – ответили оба разом.

– Тогда выход очень прост, – заметила Дайна. – Один из вас направляется на юг, другой – на север, а когда вы встретитесь снова, война уже кончится.

– Это невозможно, – возразил Нобис.

– Это невозможно, – отозвался Олли.

Он пожал руку Вернера, пряча взгляд.

– Я провожу Дайну домой.

Нобис кивнул.

– Хорошо, – сказал немец.

– Помни, куда ты идешь, – напутствовал англичанин.

Друзья даже не обернулись, чтобы бросить взгляд вслед друг другу. Они сжали зубы и прокляли войну. И все-таки до следующего дня они не представляли, что такое война.

Лейтенант Нобис думал о Дайне и своем корабле. Он не знал, что произойдет дальше, не знал, что приведет свой корабль на родину целым и невредимым, и еще меньше знал, что снова увидит Дайну, полюбит ее и что война разлучит его с ней...

Капитан-лейтенант Нобис резко поднялся. Вошел младший лейтенант Петерс. Держась чуть напряженно, он доложил:

– Вас хочет видеть командующий флотом, герр капитан.

– Где?

– На мостике, герр капитан.

В это время флагман «Бисмарк» снялся с якоря. Нобис машинально взглянул на ручные часы: 5.02 пополудни. Линкор двигался навстречу врагу.

Он двигался навстречу величайшей победе германского флота.

Он двигался навстречу жесточайшему поражению германского флота...

«Бисмарк» медленно и спокойно тащился мимо Бергена из норвежского фиорда. За ним следовал тяжелый крейсер «Принц Эйген» водоизмещением 19 000 тонн с командой численностью 1400 человек, которые тоже готовились впервые вступить в бой с врагом. В открытом море сформировалась эскадра. Перед авангардом шли два тральщика. Пять эсминцев прикрывали фланги и тыл.

На мостике «Бисмарка» стоял адмирал Лютьенс, человек, которого еще никогда не видели улыбающимся. Курс – 260 градусов. Высота гребня волны 2–3 метра. Сила ветра 4–5 метров в секунду. Видимость – 22 морские мили.

К вечеру опустился туман. Через четыре с половиной часа хода эскадра встретила конвой торговых судов. Адмирал потребовал опознавательного сигнала. Конвой его дал.

Это был немецкий ложный конвой из 12 судов под прикрытием легкого крейсера и двух эсминцев. Он вышел в море лишь для маскировки операции «Бисмарк». Ему приказали следовать дальше.

Суда конвоя вернулись в порты приписки.

Теперь отпустили также и корабли прикрытия. Флагман «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Эйген» изменили курс. Когда капитан Линдемман узнал о новом курсе, он покачал головой. Верховное командование флота предполагало, что кораблям следует прорываться в Атлантику между Исландией и Фарерскими островами. Но командующий флотом адмирал Лютьенс располагал полной свободой действий. Почему он предпочел более опасный Датский пролив, Верховное командование так и не поняло.

Приказ «отбой» отменили. Команда на верхней палубе хранила свои спасательные жилеты и стальные шлемы всегда в пределах досягаемости. Напряжение охватило корабль с носа до кормы, от киля до верхушки мачты. Каждый, ощутивший внезапно вибрацию корабля, утешал себя, что все это естественно, и все же беспокоился. Тревожились как молодые матросы, впервые участвующие в боевом походе, так и бывалые офицеры, которые не выдавали своих чувств ни за что на свете. Каждый реагировал на обстановку по-своему. Некоторые становились вдвое болтливей, чем обычно, другие не говорили ничего. Одни говорили шепотом, другие кричали. Одни сидели все время в галюнах, другие стояли без движения.

Старшина Мегринг забыл свои истории о женщинах. Линк думал о невесте. Младший лейтенант Петерс шутил. Но у всех на душе было скверно. На тех, кто говорил тихо, кричали, что они говорят слишком громко.

Все вдруг ощутили присутствие врага, который мог атаковать под прикрытием ночной мглы и тумана как с воздуха, так и из-под воды. То, что в течение нескольких часов ничего не произошло, лишь усиливало напряжение. Впередсмотрящие боролись с ночными привидениями. Они повсюду видели подлодки. Ухмыляющаяся фата-моргана посылала одну ложную команду за другой. Их отменяли, снова давали и отменяли вновь. Во время боевого похода ничто не вызывает беспорядка больше, чем бездействие... У младшего лейтенанта Петерса пропал аппетит. Но он предпринял максимум усилий, чтобы скрыть это. «Какого черта я пошел служить во флот?» – спрашивал он себя в мрачном расположении духа. Он отбросил салфетку и снова вернулся в штурманскую рубку. Капитан-лейтенант Нобис приветствовал его словами:

– Вы бледны, Петерс.

– Я всегда был бледен, герр капитан... даже когда был ребенком. – В тот же миг Петерс покраснел.

– Вы сейчас уже не бледны, – возразил Нобис с усмешкой.

– Мне не страшно, герр капитан.

Нобис похлопал его по спине:

– Никто не говорит, что вам страшно. Вы не знаете, как я себя чувствовал, когда оказался впервые в морском походе. Никому не говорите, но меня мучила морская болезнь дважды в день.

Теперь усмехнулся Петерс:

– Вам известно, как собирается действовать адмирал?

– Нет. Я не намерен в это вникать.

– Старик, должно быть, пойдет мимо Фарер.

– Я бы тоже шел этим курсом, – проворчал Нобис. Он склонился над картами, отодвинув компасы. – По мнению Лютьенса, англичане, видимо, полагают, что мы пойдем на этот раз другим курсом. Адмирал рассматривает два варианта. На то он и адмирал... Если англичане тоже рассматривают два варианта, все будет в порядке... Теперь я хочу отправиться на боковую на полчаса.

Нобис вышел из штурманской рубки, спустился с мостика, вдохнул свежего воздуха и прошел под крытую палубу.

В это время матрос Пфайфер выскочил из офицерского галюна. В суматохе, вызванной «боевой обстановкой», он попал не в свое отхожее место.

– Ты соображаешь, откуда идешь? – спросил его Нобис.

– Так точно, герр капитан.

– Что значит «так точно»? – рассмеялся Нобис. – В следующий раз, будь любезен, контролируй, куда идешь.

– Так точно, герр капитан.

Матрос оставался стоять на своем месте в нерешительности.

– Ты имеешь хотя бы малейшее представление, куда тебе нужно идти?

– Никак нет, герр капитан.

– Какой дивизион?

– Второй матросский.

– Идем со мной.

Нобис вошел в матросскую столовую. Старший по вахте скомандовал: «Смирно!» – и отдал честь.

Когда Нобис остановился среди рундуков, вдохнул спертый воздух, увидел изображения полуголых девиц, он сразу ощутил себя в домашней обстановке, забыл, что является офицером. Он почувствовал себя среди людей, с которыми делил судьбу. Вибрация пропала. Это заметил не только он, но и другие. Пропала на несколько минут. Только на несколько минут.

На откидной полке стояла полупустая бутылка бренди. Старший матрос собирался ее убрать.

– Оставь ее, – сказал Нобис. Он взял кружку и наполнил: – Прочь напасти, – выпил все залпом. Затем поднялся.

Он вдруг вспомнил, что служит на «Бисмарке» офицером. Что корабль движется ночью. С 2430 судьбами на борту, которые решатся в течение нескольких дней, решатся войной, источником всех убийств. С людьми на борту, которые надеялись, тревожились, дрожали от страха или хвастали смелостью. Вместе с чувством долга людей наполняли тревога и дрожь. Завершением их боевого похода могло быть одно – уничтожение. Уничтожение самих себя или противника. Победа или смерть. Но одна цель превосходила все остальные: выжить, если возможно.

А что же противник? Что делали англичане? О чем они думали? Что знали? Что они противопоставили самому современному из всех германских линкоров? Какое количество людей, техники, снарядов? Какова в их усилиях была доля отваги, какова доля удачи?

В адмиралтействе сходились нити событий. Нити, которые вначале не могли распутать. «Бисмарк» воспринимался как корабль-призрак. Вышел ли он в море? Или вместо него вышел однотипный корабль «Тирпиц»? Какая перед ним поставлена задача? Достоверны ли сообщения секретных агентов из Норвегии?

Однако самый важный вопрос для адмирала сэра Джона Тови состоял в том, покинула ли германская эскадра бухту. Только воздушная разведка могла ответить на этот вопрос определенно.

В тот день, 21 мая, погода оказалась настолько скверной, что все самолеты Королевских ВВС остались на земле. После продолжительных дебатов за закрытыми дверями англичане решили попытаться сделать невозможное. При помощи добровольцев, в частности капитана 3-го ранга Ротерхэма, одного из наиболее успешных специалистов по дальней разведке.

Опыт Ротерхэма показался адмиралтейству настолько ценным, что оно на продолжительное время отозвало его с фронта боевых действий. Ротерхэм сразу выразил готовность

совершить облет района Бергена на устаревшем самолете морской авиации на высоте 65 метров с целью избежать обнаружения немецкими радиолокаторами. Его первым местом посадки был намечен небольшой островок в 15 морских милях от Бергена. Оттуда самолет должен был совершить свой разведывательный полет над фиордом.

Самолет стартовал без современного навигационного оборудования на борту, которое обычно используется для определения метеорологической обстановки. Он летел так низко, что экипаж боялся задеть скалы на побережье Норвегии.

Ротерхэм долетел до острова, где ему следовало сориентироваться, и оттуда взял курс прямо на фиорд.

Он летел на малой высоте в условиях плотной облачности и обнаружил, что залив пуст. Для полной уверенности он сделал над заливом несколько кругов, а затем вылетел к Бергену для осмотра городского порта.

Теперь самолет попал под обстрел германских зениток. Ротерхэм увернулся от огня в крутом пике и передал в Англию сенсационное радиосообщение: «Корабли противника покинули порт».

Отважный пилот переключился на внутренний телефон. Адмиралтейство готово было ждать. Для полной уверенности руководство адмиралтейства хотело переговорить с офицером до принятия контрмер. Каждый лишний час пребывания британских кораблей в порту много значил, поскольку это было важно для экономии топлива.

Позднее адмиралтейство получило от своего норвежского агента подтверждение известия о том, что линкор вышел в море. Куда он направлялся?

Ясно одно: германская эскадра во главе с линкором вышла из порта по крайней мере шесть часов назад.

Даже до выяснения планов германского флота адмиралтейство мобилизовало свои силы.

Тяжелые крейсера «Саффолк» и «Норфолк» направились патрулировать Датский пролив.

Линейный крейсер «Худ», крупнейший в мире боевой корабль (после «Бисмарка»), «Принс оф Уэйлс» и 6 эсминцев выдвинулись в район Гвалфиорда (Исландия).

Крейсера «Бирмингем» и «Манчестер» получили приказ патрулировать западное побережье Исландии.

У побережья Западной Шотландии находились крейсер «Аретуза» и 5 эсминцев.

К охоте за «Бисмарком» подключили также флагман адмирала сэра Джона Тови «Кинг Джордж V» в сопровождении авианосца «Викториес», 4 крейсера и 7 эсминцев. Даже этим не ограничились.

У Бат-оф-Льюис (северный мыс острова Льюис из гряды Гибридных островов) крейсировал «Рипалс» с 3 эсминцами.

Вокруг Фарерских островов затаились в засаде 5 британских крейсеров.

Охотники стали сближаться с «Бисмарком». Зона операции составляла 1000 квадратных миль...

Призрачная тишина установилась повсюду на двадцать шесть часов и тридцать минут. Глаза людей из состава экипажей кораблей двадцать шесть часов и тридцать минут нервно бегали без всякой причины. Затем показалось, что время решающего боя пришло. Грянули первые залпы...

Незадолго до первой тревоги хирург капитан-лейтенант Тиле заметил, что матрос Хайнц Бюргер собирается исключительно быстро выздороветь после операции на аппендиците. Он лежал в лазарете на белоснежной кровати, но не ценил этого обстоятельства. Постоянная вибрация корабля между анестезией и первой стадией выздоровления не производила на него никакого впечатления. Он выучился бояться позднее.

Незадолго до первой тревоги произошел первый жесткий спор между капитаном Линдеманом и адмиралом Лютьенсом. Никто его не слышал, но, видимо, все догадывались, как ведут себя за стальными переборками боевой рубки адмирал и капитан. Насколько сильно расходились взгляды двух военачальников по тактическим вопросам, ужасающе ясно проявилось после потопления «Худа»... Дисциплинарная драма. Победа приказов над здравым смыслом. Теперь же было 7.10 пополудни. Вахтенные беспокоились – суетились. Смена вахты через пятьдесят минут.

Первоначальное напряжение, кажется, спало. Большая часть команды «Бисмарка» не представляла, где находится корабль. Машинное отделение оставалось прежним. У него были те же соседи, та же вышестоящая инстанция. Его команда выполняла ту же работу. К своему удивлению и радости, самые спокойные из молодых матросов убедились, что боевой поход протекает довольно монотонно.

Другие реагировали иначе. Несколько матросов из 3-го полудивизиона испытывали свои спасательные жилеты на водонепроницаемость. Один матрос поднял ведро морской воды на семнадцать пинт и для определения температуры держал в воде руку, пока не онемеет. Над ним все смеялись. Температура моря составляла 12 градусов Цельсия.

Капитан-лейтенант Нобис только что проверил эту температуру по термометру на лаге. До конца вахты оставался один час. Лучший способ убить эти шестьдесят минут, он знал по опыту, – лечь на боковую. Нобис вернулся в свою каюту. В четырех деревянных стенах, тонких, как бумага, и стыдливо прикрывающих стальные переборки, он почувствовал себя как дома. Смешно! Быть дома на линкоре! Но где еще капитан-лейтенант Нобис мог быть дома?

Он вспомнил Дайну, с которой мог бы проводить сейчас время. В Португалии. В нейтральной стране. В мирной обстановке. Расстояние в мили не является препятствием для мыслей. На десять минут Вернер Нобис отправился в путешествие на волнах памяти. Он вынул письма и фотографии. Он забыл, где находился и где должен был находиться.

В тот день в Опорто, после того как он попрощался со своим британским другом Олли, не обернувшись для прощального взгляда, жизнь шла своим чередом. Жизнь, которую он послал к черту, поскольку она не давала ему выхода. Но, спасибо Господу, черт ее не принял.

Шел 1940 год, и война на море была еще вполне сносной, если не считать положение германского сторожевика G-69, которого поджидал британский корвет у португальской трехмильной зоны. Вернеру Нобису, тогда еще лейтенанту, пришлось еще раз сходить на берег, чтобы поблагодарить за помощь начальника порта.

Португальцы заставили его ждать. У них были основания для этого. Они не желали вооруженных инцидентов близ своих берегов. Чтобы покинуть порт, ему нужна была подпись. Она отсутствовала в течение нескольких часов.

– В данный момент нет свободного лоцмана, – сказали лейтенанту Нобису.

– Сколько продлится этот момент?

– Возможно, два часа.

С невеселыми думами Нобис бесцельно бродил по улицам города. Разумеется, в штатском. Так предписано правилами нейтральной державы. Ночь дала ему возможность привыкнуть к мысли, что он будет расстрелян своим другом Олли. Потому что тот был англичанином. Результат остался бы таким же, если бы Олли был на месте Нобиса.

Неожиданно перед ним появилась она. Беспокойство за своих людей надолго вырвало ее из его размышлений. Она выглядела такой же свежей, молодой и элегантной Дайной.

Она смеялась. Он глядел ей в глаза, а думал о своих тревогах.

– Почему вы на меня так смотрите? – спросила она.

– Это противозаконно?

– Нет.

Вернер Нобис пошел с Дайной в кафе, сделал заказ, попросил у нее извинения и позвонил в лоцманскую контору. Естественно, лоцман еще не освободился. Ему следовало ждать, ждать и еще раз ждать. Не распускать нервы. Сидеть рядом с Дайной.

– Что вы делаете в Португалии? – спросил он ее.

– Живу, – был ее ответ.

– Как вы познакомились с Олли?

– Его папа друг моего папы. Они оба моряки. Умерли несколько лет назад. Почти в одно время. Я – англичанка, – добавила она резко.

– Жаль, – сказал Нобис.

– Почему?

Он не ответил.

– Я знаю, что именно вы имеете в виду, – продолжила разговор Дайна. – Я выросла в Англии. Моя мать португалка. Когда отец умер, я вернулась в эту страну. Я люблю ее. И я уяснила, что вполне можно ценить две страны, даже если они враждуют друг с другом. Вам это понятно?

– Да.

– Я плохая англичанка. Должно быть, и плохая португалка. Или немка тоже. Для меня Англия не больше чем территория, которую я уважаю. У меня британский паспорт. Но это не имеет значения. Паспорта – формальность, имеют значение люди, а не бумаги.

Лицо Дайны порозовело. Ее глаза сверкали. Она говорила быстро и энергично. Она совершенно не обращала внимания на людей, уставившихся на их столик. Дайну вообще не интересовало, что подумают люди.

Нобис вглядывался в ее лицо. Он следил за ее глазами, не слушая слов. Она видела это, но никак не реагировала.

– Вам нравится война?

– Нет, конечно, – ответил он.

– Послушайте, – продолжила она, – мы двое могли бы играть сейчас в теннис или купаться в море. Можно было бы сходить на танцы или в театр. Вас это не раздражает?

– Вы говорите так, словно я несу персональную ответственность за войну.

Он встал из-за столика и еще раз позвонил в лоцманскую контору. Заранее знал, что получит отрицательный ответ. Но хотелось еще раз удостовериться в этом.

– Будет через час, – ответили ему.

В часе шестьдесят минут. В минуте шестьдесят секунд. А секунды текут медленнее, чем бьется сердце. Когда сидишь рядом с Дайной, сердце бьется чаще. Они встали и пошли к выходу. В неудачное время и в неудачном месте. Шли рядом так, будто принадлежали друг другу, на самом же деле они принадлежали войне.

Оба об этом думали, но Дайна воплощала мысли в слова:

– Что с вами происходит? Разве не безумие то, что вы и Олли собираетесь предпринять друг против друга? Что вы считаете своим долгом? Это ненужный долг. Ваш долг состоит в том, чтобы жить, создать семью, иметь детей и шлепать их по рукам, когда они начинают играть с игрушечным ружьем.

– Я буду делать это, когда наступит время.

Дайна улыбнулась Нобису. На мгновение она взяла его за руку. Ее движение было естественным и инстинктивным, но в этот миг Вернер Нобис реально ощутил и полюбил ее. В этот миг он узнал, кем она была на самом деле, и понял, что ее образ будет преследовать его повсюду. Во время продолжительного и утомительного патрулирования, в жуткие холодные ночи, под градом снарядов и в тоскливые будни обороны отечества. Она будет занимать его воображение всю войну, темной ночью, в страхе и ужасе.

Через четверть часа они смотрели друг на друга в последний раз. По крайней мере, они так думали. И обстоятельства давали все основания думать именно так.

Дайна взглянула на Вернера Нобиса и улыбнулась. Страдальческой улыбкой. Он заметил это и на долю секунды испытал радость.

– Теперь я должен с вами проститься, – сказал он.

– Увы, – произнесла она мягко.

Ему хотелось высказать ей все, но он не смог произнести ни слова.

– Не буду читать завтрашних газет.

Она еще раз повернулась к нему, затем поспешила уйти. Люди, проходившие мимо в противоположных направлениях, замечали, что она плачет. С этого времени события ускорились. Нобис вернулся на свой шлюп. В пределах трехмильной зоны произойдет обычное движение по морю. Но дальше его будет поджидать Олли, имея на борту своего корабля орудия, которые не оставят Нобису ни одного шанса. Он стиснет зубы и будет выкрикивать экипажу команды. Война – это война! Черт с ней! Если Олли все продумал, он решит, что Нобис попытается ускользнуть в северном направлении. Поэтому Нобису следует прорываться на юге. Но какой смысл? Британский корвет быстрее, чем его развалюха.

Нобис направился на юг – ему повстречался австралийский баркас с грузом яиц, который он поджидал ранее. Баркас захватили. По крайней мере, Нобис и его команда наелись сырыми яйцами.

Корвет не появлялся. Проходили минуты, часы, дни. Сторожевик уже давно двигался курсом на родину, сопровождая захваченное судно водоизмещением 15 000 тонн. Олли не проявлял никаких признаков своего присутствия.

Как выяснилось позднее, у Олли были свои заботы. Германская служба безопасности располагала наблюдательным пунктом и в Опорто. Оттуда сообщили о прибытии корвета в Испанию. Из Испании сообщение передали на юг Франции. Там поднялись в воздух немецкие бомбардировщики, чтобы атаковать британский корабль.

Первые бомбы прошли мимо. Вторая серия накрыла цель. На корабле возник пожар. Экипаж потушил его, но половина команды погибла.

Обычная ситуация в войне на море. Кому был нужен Олли? Ведь Олли – враг.

Нобис вошел в гавань Бордо с трофеем в 10 миллионов яиц. Его наградили и снова послали в море. Позднее он узнал, что Олли остался в живых. Через две недели и Нобис узнал, что такое бомбардировка. Что значило беспомощно дрейфовать среди огромных волн и с отчаянием вглядываться в пустынный горизонт.

Война на море быстро взяла его в свои беспощадные клещи. У Нобиса был шанс вздохнуть свободно. Он снова увиделся с Дайной. Он полюбил ее и упустил свой шанс. Посчитал разлуку своим долгом. К черту долг...

Вой сирены прервал воспоминания лейтенанта Вернера Нобиса, который между тем дослужился до капитан-лейтенанта.

На «Бисмарке» воздушная тревога!

– Все по местам!

– Долой с палуб – и к бою!

Затем из стволов орудийных башен полетели снаряды...

Выполняя приказ, британский крейсер «Саффолк» патрулировал эту морскую зону. Он располагал современным радиолокационным оборудованием. До обнаружения «Бисмарка» имели место две ложные тревоги. В первый раз тревогу вызвала дрейфующая льдина, во второй – «Норфолк», флагман эскадры. И льдину, и «Норфолк» приняли вначале за «Бисмарка», о чем сообщили в Лондон в адмиралтейство. На этом этапе случай сыграл роковую роль. Из-

за ошибки с обнаружением «Бисмарка» крейсер «Худ» под командованием вице-адмирала Ланселота Холланда и «Принс оф Уэйлс», которые между тем вышли в море, изменили курс.

Случайно они выбрали верное направление.

Но вот «Бисмарк» появился на экране радара «Саффолка». Отправили новую радиogramму.

«Норфолк» тоже неожиданно вышел на противника из густого тумана. Попытка уйти от «Бисмарка», находившегося всего в 6 морских милях, удалась. Крейсер быстро скрылся в туманной дымке. Тем не менее наблюдатель с «Бисмарка» заметил его.

Через сорок секунд первый залп вздыбил вокруг крейсера морскую поверхность. На палубу попадали осколки. Германский флагман вел прицельный огонь. «Норфолк» при помощи обманных маневров растворился в тумане «на полном ходу».

В машинном отделении «Бисмарка» выстрелы воспринимались как глухие удары. Моряки стояли на своих местах с бледными, потными лицами.

– Это бьют наши орудия или их снаряды попадают в нас? – спросил Линк.

– Конечно, наши орудия, – отозвался унтер-офицер Линденберг.

– Откуда ты знаешь?

– Это не нужно знать. Просто надо сохранять оптимизм. Вот и все.

Линк сделал неопределенный жест:

– Следовательно, здесь, внизу, мы даже не заметим, когда наш корабль разлетится на куски?

– Все равно заметишь, когда полетишь вверх. Но к тому времени, когда заметишь, будет уже поздно.

– Мы здесь как мыши в ловушке, – досадовал Линк. – Если будет прямое попадание в машинное отделение... если его зальет, мы потонем, как крысы.

– Заткни свою ловушку! – воскликнул старший унтер-офицер Нагель. – Перестань всех нервировать. Ведь огонь прекратился. Ты когда-либо слышал, чтобы командир позволил затопить машинное отделение? Ты трусливый подонок!

Для матросов поединок в тумане закончился. О том, как он продолжится, было известно группе офицеров в боевой рубке и экрану радара «Бисмарка», который искал противника в тумане.

«Бисмарк» пытался спрятаться, но это удалось лишь на время. Снова и снова радар обнаруживал присутствие неподалеку корабля противника. У германского флагмана не было оснований опасаться врага. Опасения вызывали подкрепления, которые тот неизбежно вызовет.

Корабли часами следили друг за другом. «Норфолк» отошел подальше. «Саффолк» тоже держался на почтительном расстоянии, как собачонка, которая чует большого зверя, но не смеет напасть на него. Но «Бисмарк» опознали и следуют теперь за ним все время по пятам.

Сражение в Северной Атлантике началось...

24 мая 1941 года в 5.05 утра после пребывания в морском походе 36 часов и 5 минут «Бисмарк» и «Принц Эйген» встретили в точке с координатами 60 градусов 5 минут северной широты и 38 градусов западной долготы мощную эскадру противника. Впередсмотрящий доложил:

– Крейсер, водоизмещением около 45 тысяч тонн. Четыре орудийные башни по два ствола каждая, калибр 38 миллиметров.

Несомненно, это был «Худ». С экипажем в 1400 человек. С радиолокационными станциями. Со счетверенными малокалиберными зенитными артиллерийскими установками. С броневыми плитами толщиной 30 сантиметров.

На «Бисмарке» установили, что кораблем сопровождения крейсера «Худ» был «Кинг Джордж V». Позднее выяснилось, что это была ошибка. На самом деле крейсер сопровождал «Принс оф Уэйлс», однотипный кораблю «Кинг Джордж V».

Две эскадры дали себе полчаса для боевого построения. «Худ» был покрупнее, «Бисмарк» – посовременнее. Корабли сблизилась на расстояние около 20 морских миль – на расстояние видимости друг друга.

«По местам!» – прозвучал приказ с обеих сторон. В одном случае на немецком, в другом – на английском языке. На обоих кораблях служили моряки, имевшие жен, детей и матерей. Моряки, которые на гражданке работали бухгалтерами, ремесленниками, пахарями. Война переместила их на стальные колоссы. Одна команда из них победит, другая – погибнет. Это решит война.

Капитан Линдеман повернулся к своему рулевому и передал ему вполголоса распоряжения, полученные от адмирала Лютенса. Он был спокоен, хладнокровен и собран. На лице, так знакомом экипажу, застыла улыбка, которая не сходила ни на мгновение во время боя с «Худом». Сила характера и презрение к смерти этого человека проявились в последующие три дня.

Он стоял на юте, вцепившись в поручни хваткой медведя. Два или три члена экипажа, сами отмеченные печатью смерти, пытались затащить его в воду, что давало хоть какой-то шанс спастись. Но он не уступал. Впервые в своей жизни он кричал на своих людей. Он отказывался следовать за ними, поскольку был связан долгом. Капитан должен оставаться на своем корабле. Перед этой традицией естественный страх смерти капитана Линдемана, который в свободное время был обыкновенным человеком, капитулировал. Все человеческие инстинкты самосохранения разом сошли перед лицом его отчаянной храбрости.

Он поднес правую руку к козырьку фуражки и погиб, как герой второсортного фильма.

Только это был не фильм, но грандиозная работа войны, делавшая людей излишними. Этот момент, однако, еще не наступил.

В данный момент смерть была уготовлена противнику.

Гигантский корабль пронзил резкий назойливый сигнал тревоги. Моряки бросились к своим боевым местам. Нервы вибрировали в унисон ритму тысяч морских ботинок, трамбовавших стальные палубные плиты. Люки переборок бились в своих проемах. Кто-нибудь остановит этот проклятый сигнал тревоги? Он продолжал звучать, словно его не слышал бесконечно длившиеся прежде минуты (на самом деле это были секунды) каждый человек на верхней, крытой, и нижней палубах.

Готовность к бою рапортовали из орудийных башен, машинного отделения и с палубы через передающую станцию нервному центру стального колосса, боевой рубке. Помощник доложил командиру, что корабль готов к бою. Рапорт передали адмиралу флота.

Руки поспешно надевали боевые пояса – сумки со свернутыми в них противогазами, молотками и спасательными жилетами.

«Бисмарк», флагман флота, двигался к месту боя. В стороне от него, чуть опережая, шел тяжелый крейсер «Принц Эйген». На этот раз встал вопрос о жизни или смерти, победе или поражении.

За легкой дымкой тумана скрывался противник – «Худ», гордость Королевского флота.

На «Бисмарке» молодые матросы тоже ожидали битвы с воспаленными нервами, сдавленными глотками и урчанием в животах. Здесь тоже были сыны – гордость, надежда и тревога своих родителей, парни, которых вовлекли в войну, хотя они ни в малейшей степени не несли ответственности за ее начало. Войну, которая не брала в расчет их жен, детей и будущее. На обоих кораблях моряки одинаково убеждали себя, что «Бисмарк» и «Худ» непотоп-

ляемы. К этому внутреннему монологу примешивался страх, от которого все отнекивались, хотя и испытывали его.

Сначала два стальных Левиафана сблизилась друг с другом на расстояние 15 морских миль. С этой дистанции они открыли артиллерийский огонь. В ходе сражения они сократили расстояние, разделявшее их, примерно до 5 миль. «Бисмарк» сопровождал «Принц Эйген», «Худ» – новый линкор «Принс оф Уэйлс», ошибочно принятый немцами за однотипный корабль «Кинг Джордж V». В пределах видимости находились также крейсера «Норфолк» и «Саффолк».

5.35 утра (по средневропейскому времени). Через несколько минут в Датском проливе в точке с координатами 60 градусов 5 минут северной широты и 38 градусов западной долготы разыгрался чрезвычайно впечатляющий морской бой.

Группой кораблей крейсера «Худ» командовал вице-адмирал Ланселот Е. Холланд, опытный командир с высокой репутацией, заработанной служебным положением, долголетней службой и специальными знаниями. Англичане считали «Худ» национальным символом. Корабль был спущен на воду более двадцати лет назад, он считался плавучим чудом. Занимал ведущее место в военно-морских парадах. Где бы ни собирались продемонстрировать имперскую мощь, появлялся «Худ». Его изображения помещались в школьных учебниках, в витринах магазинов, на стенах тысяч частных домов. Хотя эксперты отметили в корабле после его спуска на воду некоторые недостатки, общественность и Королевский флот относились к «Худу» с большим почтением. Но это чрезмерное почтение стоило жизни 1416 морякам.

Адмирал Лютьенс вел свои корабли все ближе и ближе к эскадре противника. Ему пришлось принять бой, который прежде, согласно его приказам, следовало избегать. Командующему германским флотом каждую минуту докладывали в срочном порядке о сокращении расстояния до противника. Наконец, в 5.52 утра поступило разрешение открыть огонь.

Сигнальные флажки поднялись к носу «Бисмарка». «Принц Эйген» немедленно откликнулся залпами орудий. Затем открыл огонь и «Бисмарк». Снаряды с грохотом вылетали из жерл орудий. Каждую из четырех орудийных башен обслуживали 64 человека. 64 человека с бледными, потными лицами, смеющимися глазами и сухими, потрескавшимися губами. Огромные 380-миллиметровые орудия заряжались автоматически. Паузы между залпами составляли двадцать две секунды. Снаряды с воем проносились в юго-восточном направлении.

– Накрывающим огнем – залп! – скомандовал в микрофон командир первой орудийной башни.

«Бисмарк» бил по «Худу». С каждой минутой его залпы ложились точнее. Фонтаны воды величиной с дом взлетали вверх все ближе и ближе к корпусу корабля.

Вице-адмирал Холланд допустил роковую ошибку. Он спутал «Принц Эйген», возглавивший эскадру, с «Бисмарком» и сконцентрировал сначала огонь на менее мощном корабле. Он занял неудобную позицию. Его корабли ринулись на врага в развернутом строю почти под углом в 90 градусов. Следовательно, «Худ» находился прямо перед лобовыми орудиями линкора «Принс оф Уэйлс». Ни один из кораблей не мог использовать кормовые орудийные башни. Корабли шли в бой, сократив свою огневую мощь наполовину.

Но их орудия били точно. Третий залп накрыл противника. Затем «Худ» получил первое прямое попадание в грот-мачту. С «Принца Эйгена». Занялось пламя и быстро распространилось дальше. Орудийная команда носилась по палубе под градом снарядов.

И все-таки «Худ» вел огонь не по той цели...

Повреждения на «Принс оф Уэйлс» были посерьезнее. Снаряды попадали в него один за другим. 380-миллиметровый снаряд снес мостик. Палуба корабля выглядела как скотобойня. В живых остались только капитан Лич и старшина-сигнальщик. По переговорной

трубе, связывающей мостик со штурманской рубкой, поток густой липкой крови стекал на стол с картами. Но прямо за дверью в оружейной башне мощного взрыва даже не услышали. «Принс оф Уэйлс» продолжал вести огонь...

Как раз в то время, когда палубный самолет собирался стартовать для облета цели, он был выведен из строя следующим залпом. Обломки полетели за борт. «Что, черт возьми, случилось с „Худом“, – спрашивал себя командир „Принс оф Уэйлс“, – какого черта он не ведет огонь по „Бисмарку“?»

Технические неполадки в работе оружейных башен нарастали. Временно переставали действовать стволы, заклинивало поворотный механизм башен. Становилось очевидным, что корабль отправили в район боевых действий преждевременно, без достаточных испытаний. Заводские специалисты все еще находились на борту. Они принимали участие в бою, помогая ликвидировать постоянно возникающие поломки в механизмах оружейных башен.

Германский флагман тоже получил первые попадания снарядов. Сразу после этого «Норфолк», оставшийся вдали – корабль не принимал никакого участия в бою, – заметил, как с «Бисмарка» поднимаются клубы черного дыма. Снаряд противника разрушил прибор, регулирующий поступление сжатого воздуха в катапульту.

Наконец, «Худ», развернувшись, улучшил свою боевую позицию. Но было уже поздно.

Море полыхало огнем. Стальную громадину покрывали дым и пламя. Ствол каждого орудия изрыгал разрушительный заряд. Командир первой оружейной башни Шнайдер отдавал приказы хладнокровно и спокойно. Орудия стреляли с небольшим недолетом. Следующий залп борта или еще один после него должен был накрыть «Худ».

В лазарете лежал матрос Бюргер. Каждый раз, когда били орудия, он пытался выпрыгнуть из кровати, но сидевший рядом дежурный по лазарету унтер-офицер Цайгер заставлял его снова опускать голову на подушку.

– Что это, – спрашивал Бюргер, – бьют наши пушки или в нас попадают снаряды?

– Заткни свой рот, – отвечал унтер-офицер. – Скоро узнаешь, что происходит.

Хотя матрос не чувствовал боли, он держал обе руки на прооперированном месте.

Старший матрос Линк думал о венчании по доверенности и потел. Линденберг кричал, хотя все его хорошо слышали. В рундуке каталась из стороны в сторону бутылка бренди. Никто о ней и не думал.

Ни у кого не было вообще времени или настроения думать. Перед глазами моряков, у их рук находились холодная металлическая рукоятка, панель с мигающими сигнальными лампочками и громкоговоритель, по которому непрерывно передавались команды. Ни один из тех, кто манипулировал электричеством под палубами, словно он проводил испытания, а не вел бой насмерть с самым крупным в мире боевым кораблем, не мог видеть того, что происходит.

В следующую секунду это случилось. Невероятное, грандиозное, уникальное событие. Величайший миг в истории германского флота. Самое тяжелое поражение в истории британского флота. Удачный залп «Бисмарка», удачный залп, стоивший жизни личному составу корабля противника численностью 1416 человек.

Прогредел еще один залп из орудий немецкого линкора. Он должен поразить «Худ». Офицеры прильнули к биноклям, словно прикованные. Взрыва не наблюдали. В чем дело? Промаш? Не могут же все снаряды не разрываться?

Есть!

Столб пламени высотой в сотни метров. Грохот. Корабль противника объят пламенем. 42 500 тонн металла взлетели вверх. За быстротой происходящего глаз едва мог уследить. Расплавленный металл шипел в морских волнах. Горели плавающие пятна масла. Кругом клубы дыма, огонь, фрагменты железа...

«Худ» взорвался.

От экипажа не осталось и следа. С ним кончено. Одни мертвецы. Погибли за пару секунд. Были разорваны на куски. Поглочены войной.

Из 1416 человек осталось в живых только трое. словно чудом, которому не было объяснения. Корабельный гардемарин В. Й. Дандэс, сигнальщик 2-го класса А. Е. Бригс, матрос Р. Е. Тилберн были спасены.

Как же случилась катастрофа? Залп «Бисмарка» угодил в ахиллесову пяту корабля противника – в погреб боеприпасов, недостаточно бронированный. снаряды пробиты стальные плиты и взорвались в погребе.

«Принс оф Уэйлс», уже получивший тяжелые повреждения, с ужасом наблюдал, как флагман погружается на дно. Ему ничего не оставалось, кроме как бежать с поля боя, поскольку два германских корабля немедленно перенесли огонь на него. «Принс оф Уэйлс» прекратил бой. Он поставил дымовую завесу и предпринял максимум возможного для ухода с места сражения. Британский корабль располагал небольшими шансами для этого. «Бисмарк» был быстроходнее.

Однако немецкий адмирал реагировал на ситуацию неординарно. Он не стал преследовать линкор «Принс оф Уэйлс». Капитан Линдеман энергично возражал. Безуспешно. Адмирал не изменил своему непостижимому решению.

Бой завершился. «Бисмарк» тоже имел повреждения. Сначала нужно было убедиться, нельзя ли исправить эти повреждения собственными средствами.

Немецкий флагман оставлял за собой пенный след.

Когда команда «Бисмарка» узнала об уничтожении «Худа», стальной колосс захлестнула волна восторга, на несколько часов обычно строгая дисциплина была утрачена. Все бегали, кричали, вопили. Матросы обнимались, орали до хрипоты, тузили друг друга в ребра. Пфайфер сорвал с себя боевой пояс, бил им снова и снова по палубе, кричал:

– Парни, какой бой! Какой бой! Что я вам говорил? Я знал об этом с самого начала!

– Спокойней, моряк, – урезонивал его унтер-офицер.

Но Пфайфер перебежал к другой компании и повторял свое представление.

Одни пели, другие танцевали. Энтузиазм бил через край. Петтингер кувыркался на палубе. Майер бил кулаками по переборке. Линк четыре раза пытался прикурить сигарету, но его руки так сильно дрожали, что зажженная спичка тухла.

Все пересказывали друг другу о том, что случилось. Рассказ передавался из уст в уста, обрастая подробностями и приобретая все более и более драматические краски, – однако ни один из рассказчиков не видел потопления «Худа» собственными глазами. Лишь горстка моряков видела взрыв на «Худе» из боевой рубки и дальномеров. Только эти немногочисленные очевидцы да британская камера, заснявшая дьявольские секунды.

– Теперь домой! – кричал Мегринг. – Домой к мамам, детям и всему остальному. Выпуски новостей, благодарность Отчезества, цветы, девушки, отпуск. Вы слышали, что я сказал: отпуск! Неделю вы будете любоваться собой на экранах. Эй вы, герои!

– Никто не собирается на тебя смотреть, – отвечал Хинрихс. – И это хорошо. Иначе экран разорвут на клочки.

Кто из участвовавших в подобных пикировках, вопивших и громыхавших, думал о гибели экипажа «Худа»? О моряках, которые тоже были людьми, хотя носили другую военную форму, о моряках, которых одолевали те же самые тревоги, хотя они говорили на другом языке. Тревожились о своих матерях, женах, детях. Кто из возбужденных молодых людей на «Бисмарке», праздновавших победу со слезами на глазах, с хриплыми голосами и безудержным ликованием, хоть на минуту переставал думать, что завтра или, возможно, послезавтра их постигнет та же судьба?

Что они определенно будут умирать не за две-три секунды, но, возможно, в течение нескольких часов и дней?

Что они будут умирать десять, двадцать, сто раз, раненые или искалеченные, беспомощно плавая в море, слишком усталые, чтобы бороться с захлестывающими их гигантскими волнами...

На мостике победу встретили более спокойно. В 6.32 утра адмирал Лютьенс отправил радиogramму следующего содержания: «Потопили линейный крейсер, вероятно „Худ“. Другой корабль, „Кинг Джордж V“ или „Риноун“, поврежден и уходит. Два тяжелых крейсера преследуют нас. *Командующий флотом*».

В 7.05. утра Лютьенс послал одну телеграмму: «Потопили линкор в точке с приблизительными координатами 63 градуса 12 минут северной широты и 32 градуса 00 минут западной долготы. *Командующий флотом*».

Ровно через полчаса он доложил о состоянии «Бисмарка» северному командованию:

1. Машинное отделение IV вышло из строя.
2. Течь в кочегарке левого борта, но может быть устранена. В носовой части сильная течь.
3. Идти со скоростью более 18 узлов невозможно.
4. Засечены два радара противника.
5. Намерены идти курсом на Сен-Назер. Потерь в личном составе нет.

Командующий флотом.

За упоением победой последовал отрезвляющий спад. Война на море продолжалась. Поскольку никто не знал, какое продолжение с данного момента примет операция «Бисмарк», то снова начали жужжать «провода». В экипаже шептались по поводу того, что состоялась серьезная перепалка между адмиралом Лютьенсом и капитаном Линдеманом. Так оно и было. Два военачальника расходились в оценке ситуации. Это во многом способствовало гибели «Бисмарка»...

Через тридцать два часа после потопления линейного крейсера «Худ» транслировалась передача для раненых. Сестры Красного Креста, рабочие оружейных предприятий и все люди, причастные хоть в какой-то степени к концерту по заявкам, передаче, которая пользовалась популярностью у огромного числа слушателей, собрались в большом холле здания германского радио в Берлине. Все узнали голос Хайнца Гёдеке, когда он прокричал в микрофон:

– Сейчас к нам поступила заявка, особая заявка. Заявка от всей германской нации для отважного экипажа линкора «Бисмарк». Песня «Вернись».

В этот момент «Бисмарк» шел своим курсом, действуя в соответствии с командой «отбой». С включенным радио. Мелодия лилась из громкоговорителей в столовых для низших чинов, в офицерских каютах, даже в машинном отделении.

Капитан-лейтенант Вернер Нобис ушел с вахты на пять минут раньше. Его могли вызвать в любой момент. Но каждый миг надо использовать для отдыха. Для сна он слишком устал. Он слушал концерт по заявкам в полудреме. При упоминании о «Бисмарке» офицер подскочил как наэлектризованный. И не только он. Внезапно шутки и похвальба смолкли на всем корабле. Возбуждение стихло, нетерпение умерилось. Каждый вдруг почувствовал, что радиопередача адресована ему лично, что к нему обращались из дома. Думали о своих матерях, любимых, отцах. Вынимали фотографии и письма. Капитан-лейтенант Нобис ничем не отличался от матроса Пфайфера. Некоторые из моряков смотрели на фотографии и читали письма стыдливо, другие не обращали внимания на то, что их обступили товарищи. Песня глубоко тронула всех. Однако никто из моряков не представлял себе, какое трагическое значение приобретет песня «Вернись» для «Бисмарка».

Всего через несколько дней. Когда придет конец. Когда будут рваться снаряды, а мачты срываться с места. Когда пожар охватит даже самый укромный уголок, песня будет звучать по громкоговорителю, словно пластинку поставила невидимая рука. «Вернись, я жду тебя, я жду тебя».

Но тогда возможности вернуться не останется, останется только смерть...

Мысли молодого капитан-лейтенанта вернулись в прошлое, к тому, что казалось бесконечным, снова к Португалии, к Дайне, к тому дню, когда он высадился в порту Бордо со своего маленького шлюпа во второй раз.

Первые два дня обстановка складывалась нормально. Море было спокойное и восхитительно голубое. Корабль Нобиса двигался, держась поближе к побережью. На третий день прозвучала первая воздушная тревога. Одиночный британский самолет пролетел низко над шлюпом несколько раз и обстрелял корабль из пулемета. Унтер-офицер был ранен в живот и через пять часов умер.

Несколько членов экипажа впервые в своей жизни видели убитого человека. Они с ужасом наблюдали, как тело унтер-офицера зашивали в саван из полотниц германского флага. На борту имелось немало таких флагов.

Затем Нобис заметил торговое судно, погнался за ним и обстрелял его. Но оно оторвалось от преследования, двигаясь зигзагами. Оно имело более мощные двигатели.

Наконец, шлюп G-69 исчез навеки.

По нему нанесло бомбовый удар звено из четырех самолетов. Первая бомба разорвалась близ борта корабля. Вторая угодила в самый центр. Корабль переломился надвое. Половина экипажа погибла. Все выжившие получили ранения. Командиру, Вернеру Нобису, не было необходимости отдавать приказ команде покинуть корабль.

Нобис держался на воде вместе с несколькими членами экипажа, но вскоре течение увлекло их в разные стороны. Затем англичане обстреляли его из пулеметов. Пули свистели рядом с Нобисом. Все это напоминало игру ребят, швыряющих вдоль поверхности воды плоские каменные голыши с тем, чтобы они подпрыгивали. Но это были не каменные голыши, и швыряли их не дети.

Наконец, самолеты улетели. «Я был вынужден плыть», – мрачно вспоминал Нобис. Благодаря спасательному жилету для этого не требовалось усилий. Но приходилось поднимать голову, потому что в то время спасательные жилеты были несовершенны. «Я не должен сгинуть без следа», – думал про себя молодой офицер. Он потерял счет времени, затем почувствовал изнеможение. Течение относило его к побережью Португалии. Корабль потонул в 7–8 морских милях от него. Он боролся за жизнь с мрачной решимостью. Но положение становилось все более и более безнадежным. Он уже несколько раз заглатывал морскую воду. Им уже овладевала дремота, которая заставляла забыть страх смерти. Затем его спасли. Португальское судно. Рыбаки. Они подняли его на палубу. Он был слишком слаб. Его положили рядом с рыбацкой сетью. Дали глотнуть бренди. От истощения он уснул. Когда пришел в себя, обнаружил, что лежит в госпитале на чистой простыне в постели. Ему улыбалась медсестра в темной форме и светлом фартуке. Она что-то говорила ему, но он не мог разобрать ни слова.

Осколок снаряда ранил его в левое предплечье. Только чудом он не истек кровью. Португальцы дали ему несколько дней на то, чтобы набраться сил. Затем пришел португальский морской офицер. Он говорил по-английски и был весьма вежлив.

– Вам повезло, – сказал португалец.

– Кого еще спасли?

Офицер пожал плечами в знак сожаления.

– Вы немец?

– Да.

– Боюсь, вас придется интернировать. Но не беспокойтесь. Вам будет у нас хорошо. Нобис кивнул.

– Когда выздоровеете, отправитесь в лагерь... Правила вы знаете. Но если вы дадите слово, что не сбежите, вам позволят передвигаться свободно. У вас будет время подумать над этим. Желаю скорейшего выздоровления.

Нобис привык к аккуратной медсестре, охране за дверью, еде, запаху карболки. Его рана быстро заживала. Через несколько дней его выпишут.

Чтобы разогнать скуку, он занимался ловлей мух.

Затем случилось это. Когда дверь открылась, он даже не взглянул на нее.

Перед ним стояла Дайна. Бог знает, как она узнала, что он ранен и лежит в португальском госпитале.

Она улыбалась. Выглядела свежей и хорошенькой. Как всегда. Она присела на край его кровати, как будто встретиться здесь с немецким морским офицером было обычным делом.

– Вы поправляетесь, – сказала она. – Мне сообщил врач.

– Вот как, – откликнулся он.

– Трудно было?

– Зависит от того, как на это посмотреть.

– Хоть раз эта проклятая война сделала что-то хорошее, – заметила Дайна. – Наконец мы вместе. – Она поцеловала его. – Здесь спокойно, – продолжала она. – Солнце. И для вас есть работа. – Она улыбнулась счастливой улыбкой.

Он взглянул на Дайну и обо всем забыл. Пристально вглядывался в ее глаза и впервые перестал думать о 18 погибших членах экипажа своего корабля.

– Я все устроила, – сказала Дайна. – Вам нужно только подписать какую-то форму и вас освободят.

– Верно, Дайна, – ответил Нобис. Он заставил себя улыбнуться. Знал, что не будет подписывать форму. Но не мог сказать и не скажет об этом Дайне. Не в это время – время, предоставленное ему гибелью его корабля.

Он ощущал ее тепло, пожатие ее руки, ее губы. Он целовал ее – и даже когда делал это, уже думал о том, как бежать из страны, что считал еще своим долгом.

Долгом немецкого офицера. Долгом, который оказался сильнее Дайны.

Это было ровно шесть месяцев назад... и теперь капитан-лейтенант Нобис служил на «Бисмарке», чтобы выполнять долг, оторвавший его от Дайны. Он положил фотографии, письма в свой рундук и бросился на свою койку.

Как раз в то время, когда он засыпал, вошел вестовой. Первый штурман хотел обсудить с ним достоверность сведений о числе убитых в ходе боя с «Худом».

«Худ взорвался», – лаконично доложил адмиралтейству в Лондон контр-адмирал Уэйк-Уокер с «Норфолка», который все еще преследовал «Бисмарка», держась на почтительном расстоянии. Уинстону Черчиллю пришлось сообщить эту ужасную вест палате общин. Это был черный день для всей Великобритании.

Соображения престижа, даже больше чем стратегия войны на море, требовали преследования «Бисмарка», навязывания ему сражения и уничтожения.

Какие меры собирался принять сэр Джон Тови, командующий британским флотом?

Когда он узнал о трагической гибели «Худа», эскадра во главе с флагманом «Кинг Джордж V» находилась в 550 морских милях от места трагедии. У командующего британским флотом не было сведений о получении «Бисмарком» повреждений, может быть и несерьезных. Неосведомленность стала следствием неблагоприятного стечения обстоятельств. Гидросамолет «Сандерленд Z/201», круживший над эскадрой «Бисмарка» некоторое время после сражения, радировал: «Утечка топлива».

Приемная станция, принявшая радиограмму, решила, что утечка имела место у «Сандерленда», и не передала сразу сообщение адмиралу Тови. Другие попытки воздушной разведки не удались из-за плохой видимости.

Адмирал Тови лишился точной информации. Ему пришлось сделать три допущения:

«Бисмарк» направляется к германским кораблям снабжения, уже поджидающим его в Атлантике, чтобы заправиться и приступить к нападениям на торговые суда.

«Бисмарк» получил повреждения и вынужден двигаться к побережью Франции.

«Бисмарк» направляется обратно на Балтику для участия в торжествах по случаю победы с целью укрепить боевой дух немцев.

Сэр Джон Тови считал беспорным, что «Бисмарк» попытается прорваться в Атлантике к одному из портов на побережье Франции. Он принял меры, целиком исходя из этого допущения. Решение возлагало на адмирала большую ответственность. Оно было историческим...

Его беспокоил больше всего недостаток топлива. Королевский флот не имел судов снабжения. Боевые единицы действовали таким образом, что могли заправиться на многочисленных британских базах. В Атлантике, где не было баз, а операции длились несколько дней и требовали невероятных крейсерских маневров, корабельное топливо расходовалось быстро. Кроме того, адмирал должен был помнить о необходимости для кораблей отечественного флота возвращаться в порты после очередного боя с «Бисмарком».

Он собрал свои корабли в точке с координатами 60 градусов 20 минут северной широты и 13 градусов восточной долготы. К «Кинг Джорджу V» присоединились линкор «Рипалс» и авианосец «Викториес», экипажи самолетов которого только что прибыли на борт корабля и должны были взлетать с палубы авианосца для боя с противником, не имея опыта.

Подшли также крейсера «Галатейя», «Аврора», «Кения», «Гермиона» и 9 эсминцев.

С востока шел линкор «Родней» встретить адмиральский корабль в сопровождении 3 эсминцев.

С юга спешил линкор «Рамилья».

Отряд кораблей Средиземноморского флота под командованием адмирала Сомервила шел от Гибралтара. Отряд включал линкор «Риноун», авианосец «Арк Роял» и тяжелый крейсер «Шеффилд».

4-я флотилия эсминцев в составе «Казак», «Маори», «Зулу», «Сикх» и «Пиорун» располагалась в порту на юге Ирландии.

Эсминцы «Тартар», «Машона» и «Сомали» патрулировали район активности подводных лодок примерно в 400 морских милях от французского побережья.

Крейсеры «Эдинбург» и «Дорсетшир» отозвали от берегов Африки. Они преграждали путь на юг.

Эсминец «Юпитер» и крейсер «Коломбо» располагались в районе с координатами 41 градус 30 минут северной широты и 17 градусов 10 минут западной долготы. Таким образом, зона площадью 1000 квадратных морских миль была герметично закупорена. Сюда стянули все наличные боевые корабли. Вопреки всем законам тактики авианосцы шли без эскорта. Из-за охоты на «Бисмарка» конвои торговых и транспортных судов лишили крейсеров и эсминцев. В то время как адмирал Тови задействовал свой флот для преследования и решающего боя, он получил с «Норфолка» пугающую телеграмму: «Контакт утерян. „Бисмарк“ и „Принц Эйген“ исчезли».

Это означало, что германский флагман прорвался через кордон...

В это черное воскресенье 24 мая 1941 года Королевскому флоту чертовски не везло. Впервые, в 5.56 утра его идол «Худ» разлетелся от взрыва на куски расплавленного металла... Затем, после целого дня напряжения всех сил и нервов с целью избежать именно этой вести, сэр Джон Тови получает телеграмму: «Контакт утерян».

Как это могло случиться? Каким образом германская эскадра испарилась, когда каждое ее движение находилось под наблюдением, прослеживалось и подлежало оповещению по инстанции в течение нескольких часов?

Дело в том, что к середине дня от голубого шелка небесного свода ничего не осталось. Его уничтожили шквалы снега и дождя. Небо заволокли тяжелые, грязно-серые облака, словно оно не хотело видеть безжалостную войну на море.

К этому времени командующий германским флотом адмирал Лютьенс уже принял ошибочное решение.

Когда «Принс оф Уэйлс» вышел из боя, а командующий флотом молча и без всякой реакции наблюдал за его маневрами, к нему обратился капитан Линдеман:

– Предлагаю преследовать его, герр адмирал. На корабле противника пожар, видимо, он не сможет уйти.

– Нет, – ответил бесстрастно Лютьенс.

Офицеры на мостике еще раз наблюдали инцидент, свидетельствовавший о радикальном расхождении во взглядах двух старших военачальников.

Капитан Линдеман продолжил:

– В таком случае нам следует изменить курс, герр адмирал, стать на ремонт либо дома, либо в одном из французских портов.

– Нет, – отрезал адмирал во второй раз. – Мы будем держаться данного курса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.